

АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ

Небосвод несвободы

СТИХИ

Александр Габриэль

Небосвод несвободы. Стихи

«Издательские решения»

Габриэль А.

Небосвод несвободы. Стихи / А. Габриэль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858641-5

«Небосвод несвободы» — пятая книга стихов Александра Габриэля, включающая тексты 2013—2017 гг. Жанрово (хотя и в значительной мере условно) их можно отнести к философской и любовной лирике, в равных пропорциях подсвеченной иронией и драматизмом авторской интонации.

ISBN 978-5-44-858641-5

© Габриэль А.
© Издательские решения

Содержание

Из точки Б в точку А	6
Ключок	6
1977	7
Каа	8
Кусочек детства	9
Так же	10
Квас	11
Каховская, 43	12
Antique	13
Крокус	14
1986, Минск, конец апреля	15
В границах заколдованного круга	16
Дыши	16
«Будет солнечный луч освещать на две трети гамак...»	17
Привет из старого июля	18
Неразделённое	19
Пока влюблён	20
Только ты	21
Save	22
Приходи на меня посмотреть	23
Не расставайтесь	24
Нужно	25
Лицом к лицу	26
Шансы	27
Не сезон	28
Зимний разлад	29
Он, она и Паоло	30
Кроссворд	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Небосвод несвободы Стихи

Александр Габриэль

© Александр Габриэль, 2017

ISBN 978-5-4485-8641-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из точки Б в точку А

Клочок

Воспоминанья – как к обеду пряники.
Спой, Кашепаров, нам про палисад...
Податься бы к себе в киномеханики,
две трети жизни прокрутив назад,
когда дела не превращались в навыки,
а жизнь пилась захлёб и натошак —
бесспорна, как закон термодинамики
и липкий чад студенческих общаг.
Нестройная картина мироздания
стройней, когда в душе поёт Орфей...
И я шагал с не первого свидания,
как будто в жизни не было первой.
Лишь помнится, как старый клён сутулился,
а я всё шёл – взволнованный, хмельной...
И что-то сонно бормотала улица,
набухшая рассветной тишиной.
Не странно ль то, что нынче, в снежной замети,
где дремлет кучер, сев на облучок,
волной выносит на поверхность памяти
кусочек жизни, скомканный клочок.

1977

Морожко, фрукты – рядом, дёшево.
На пляже – тел беспечных крошево.
Все – вместе. Невозможно врозь.
Парник. «Спидола» беспечальная.
И море, как вода из чайника,
на блюде бухты пролилось.

Семидесятые бровастые...
И чайки тучные, горластые
съестное припасают впрок.
Жара – как в пасти у Горыныча.
А в двух шагах от пляжа – рыночный
малороссийский говорок.

И серебристый пух качается,
и юность ниткой истончается,
над нами приговор верша,
и, сердце искушая, дразнится:
ведь дочь хозяйки, старшекласница,
так обморочно хороша...

С момента миротворения
на всё кинематограф времени
наносит шедевральный грим,
чтоб снова ожила архаика:
июль.
Посёлок Николаевка.
Ничейный полуостров Крым.

Каа

Стародавнее ломится в сны, прорывается изнутри,
и попробуй остаться чистеньким, в стороне...
На подъездных дверях было внятно написано: «Жид, умри!»
А когда я стирал эту надпись, то думал: «Не мне, не мне...»

Ну, а время вползало в души, хотело вглубь,
изменяло фактуру судеб, как театральный грим...
А отец собирал каждый лишний и даже нелишний рупь,
чтоб свозить и меня, и усталую маму на остров Крым.

Мы пытались продрасть сквозь засыхавший клей,
оценить недоступных книг глубину и вес...
Жизнь казалась длиннее, чем очередь в Мавзолей,
но размытою, как повестка съезда КПСС.

Мы Антонова пели персидским своим княжнам,
исчезали по каплям в Томске, в Улан-Удэ.
Всё, что думалось нам, что однажды мечталось нам —
по стеклу железом, вилами по воде...

Притерпевшись давно к невеликой своей судьбе,
я смотрю и смотрю, терпеливый удав Каа,
как скрипучий состав, дотянувший до точки Б,
задним ходом, ревя, возвращается в точку А.

Кусочек детства

Ах, детство ягодно-батонное,
молочные цистерны ЗИЛа!..
И небо массой многотонною
на наши плечи не давило.
Тогда не ведали печалей мы:
веснушки на носу у Ленки,
ангинный кашель нескончаемый,
слои зелёнки на коленке.
Вот дядя Глеб в армейском кителе
зовёт супружницу «ехидна»...
И так улыбчивы родители,
и седины у них не видно,
картошка жареная к ужину,
меланхолический контур школы,
да над двором летит натруженный,
хрипящий голос радиолы.
Вот друг мой Ким. Вот Танька с Алкою.
У Кима – интерес к обеим.
А вот мы с ним порою жаркою
про Пересвета с Челубеем
читаем вместе в тонкой книжице,
в листочек всматриваясь клейкий...

И время никуда не движется
на жаркой солнечной скамейке.

Так же

Был тем же запах книг и мяты,
и лето виделось во сне нам,
когда продрогших туч стигматы
водоточили мокрым снегом.
И дней похожих вереницы
летели в чёрно-белом гриме,
и осени с зимой границы
не охранялись часовыми.
И ночь такой же меркой точной
нам вымеряла грусть по росту,
и был наш мир чуть видной точкой
в чистовике мироустройства.
Тот мир включал и лёд, и пламень
под хоровод дождей и снега,
где прошлое – размером с камень,
а будущее – весом с небо.
И так же зябко брёл прохожий,
плохой прогноз вводя в обычай...
Всё было так похоже, боже! —
хоть верь, что не было отличий.

Квас

Солнце по́ небу плыло большой каракатицей
и, рассеянно шуясь, глядело на нас...
Ты стояла в коротком оранжевом платице
близ пузатой цистерны с названием «Квас».
Разношёрстные ёмкости, банки да баночки
были хрупким мерилom безликой толпе,
что ползла к продавщице, Кондратьевой Анночке,
кою взял бы в натурщицы Рубенс П. П.
Солнце с неба швыряло слепящие дровишки,
ртутный столбик зашкаливал в адовый плюс,
и казалось: подвержен квасной патриотике
весь великий, могучий Советский Союз.
Сыновья там стояли, и деды, и дочери
с терпеливыми ликами юных мадонн...
И пускал шаловливые зайчики в очередь
в чутких пальцах твоих серебристый бидон.
Всё прошло, всё ушло... А вот это – запомнилось,
тихий омут болотный на всплески дробя...

Мне полгода тому как двенадцать исполнилось,
я на год с половиной был старше тебя.

И теперь, в настоящем – сложившемся, чековом —
голос сердца покуда не полностью стих...
«Где ты, где ты, Мисюся?» – повторить бы за Чеховым,
но надежд на ответ всё равно никаких.
Только тени витают, и тают, и пятятся,
и завис в эпицентре несказанных фраз
призрак счастья в коротком оранжевом платице
близ пузатой цистерны с названием «Квас».

Каховская, 43

Ты видел то, что возводил тщеславный Тит,
владенья Габсбургов, Рейкьявик и Лахор;
внушал себе, что в небеса вот-вот взлетит
как будто лебедь, белопенный Сакре-Кёр.
Ты видел, как верблюдов поит бедуин
и как на Кубе культивируют табак,
бродил в тиши меж древнегреческих руин,
где статуй Зевса – как нерезанных собак.
А небо зрело, становилось голубей,
был день парадно и возвышенно нелеп,
и на Сан-Марко продотряды голубей
у интуристов изымали лишний хлеб.
Ты в Сан-Хуане католический форпост
шагами мерял, сувениры теребя;
и выгибался томной кошкой Карлов Мост
над шумной Влтавой, выходящей из себя.
Ты видел Брюгге и скульптуры Тюильри,
поместье в Лиме, где когда-то жил Гоген...
Но —
Минск,
Каховская,
дом номер сорок три —
фантомной болью бередит протоки вен.
Так получается: сменив с пяток планет,
приблизив истины к слабеющим глазам,
ты ищешь родину, которой больше нет,
и для которой ты давно потерян сам.

Antique

О, как античны времена, где устье Леты
почти сроднилось с пустотою Торричелли!..
Нам говорили про крылатые ракеты
и пели песни про крылатые качели,
когда внушали нам, что каждому – по вере,
и называли льдом мятущееся пламя,
когда трехмерные границы двух империй
соприкасались автоматными стволами,
когда мы верили незыблемым культурам,
и в крымской полночи, гудя, висели мошки,
а злая очередь за финским гарнитуром
рвала подмётки за отметку на ладошке,
когда Нью-Йорк казался дальше Ганимеда,
и были страшно молодыми мама с папой,
когда на кухне полуслышная беседа
нам души гладила, как кот мохнатой лапой,
дым сигаретный выплывал ладьёй в оконце
из коммунального одышливого плена...

И как пижонисто сияло в небе солнце
в своём блистающем костюме из кримплена!

Крокус

Ладно, червяк на леске, лопай свой чёрствый бублик...
Помнишь Союз Советских собранных в сплав республик?
Как далека Европа! Брежнев нахмурил бровки...
Мы – огоньки сиропа в дьявольской газировке.
Утром – батон да каша. Ярок на клумбе крокус...
Что ты так, юность наша, страшно смещаешь фокус,
что ты нас рвёшь на части, соль растворяешь в ранках,
сделав возможным счастье в полутюремных рамках?
Библией был и Торой в тесной тоске балконов
голос любви, в которой нет никаких законов.
В царстве тревог и гари песни какие пелись! —
«Lasciatemi cantare», «Living next door to Alice»...
Нынче ж серьёзней лица; свёлся баланс по смете.
Мы перешли границу, даже и не заметив.
Жизнь обернулась снами, ранящей вспышкой света...
Было ли это с нами? Было ли вообще это?
Время итогов веских, время осенней дрожи...
Где ты, Союз Советский, ввевшийся нам под кожу?..
Но в ностальгии – проку-с? Даже на входе в Лету
сердце, как в марте крокус,
рвётся и рвётся к свету.

1986, Минск, конец апреля

Мне приснился я сам,
окончивший БПИ
Аполлон Бельведерский:
очёчки, острые рёбра...
И в двадцать четыре я говорил себе: «Потерпи.
Недолго еще, недолго.
Усё будзе добра».
А воздух тогда дурманил, как будто хмель,
и важным я был элементом
в этногенезе...
В зрачках оседал
скупой на тепло апрель,
а в теле —
непостижимый доселе цезий.
Катился по рельсам
набитый людьми трамвай,
весеннему подчинясь озорному тренду.
А жизни так было много,
что хоть сдавай
избыток её нуждающимся
в аренду.
И помнятся слухи,
соседский угрюмый взгляд,
тревожные би-би-си на волнах эфира,
и как был спокоен будущий лауреат
Чернобелевской
Премии Мира.

В границах заколдованного круга

Дыши

Если тлеет свеча, всё равно говори: «Горит!»,
ты себе не палач, чтоб фатально рубить сплеча,
даже ежели твой реал – не «Реал» (Мадрид),
и команде твоей нет ни зрителей, ни мяча.

То ли хмарь в небесах, то ли пешки нейдут в ферзи,
то ли кони устали – что взять-то со старых кляч?
Коль чего-то тебе не досталось – вообрази
и внуши самому, что свободен от недостат.

Уничтожь, заземли свой рассудочный окрик: «Стой!»,
заведи свой мотор безнадёжным простым «Люблю...»
Этот тёмный зазор меж реальностью и мечтой
залатай невесою нитью, сведи к нулю.

Спрячь в горячей ладони последний свой медный грош,
не останься навек в заповедной своей глуши.
Даже если незримою пропастью пахнет рожь —
чище воздуха нет. Напоследок – дыши.
Дыши.

«Будет солнечный луч освещать на две трети гамак...»

Будет солнечный луч освещать на две трети гамак,
будет время ползти колымагаю из колымаг,
будет плющ на стене прихотлив, как движение кобры.
И не станет границ меж понятиями «то» и «не то»,
на мигающий жёлтый по трассе промчится авто,
кот почешет о дерево старые жалкие рёбра.

Невозможно поверить, что это и есть пустота,
ведь нейроны твои регистрируют звук и цвета,
и вдыхаемый воздух наполнен весной и прохладой.
Но тебя подменили. Ты тусклая копия. Клон.
Жизнь в тебе существует, но вяло ползёт под уклон,
и оброком становится то, что казалось наградой.

Вариантов не счесть: можно в синее небо смотреть,
можно в микроволновке нехитрый обед разогреть,
полежать, наконец, на продавленном старом диване,
безнаказанно вжиться в любую привычную роль...
Но в тебе изнутри гангренозно пульсирует боль,
как в подопытной жабе под током Луиджи Гальвани.

И отчаянно хочется думать о чём-то другом.
Сделай музыку громче. Пускай наполняет весь дом
голос мистера Икса, а может быть, мистера Отса...
Только свет не проходит сквозь шторы опущенных век.
Ничего не случилось. Всего лишь ушёл человек,
не оставив и малой надежды на то, что вернётся.

Привет из старого июля

Твои губы доверчиво пахли смородиной;
плыл июль. Не обычный. У счастья украденный.
Насекомо вползала пугливая родинка
в золотую твою подколенную впадину.
Мне хотелось тебя в каждый миг, в каждый сон нести,
разучившись прощаться. Вот верьте, не верьте ли,
но, взлетев в небеса, состоянье влюблённости
обретает на миг состоянье бессмертия.
Только свет. Только солнце. Ни ночи, ни темени
в вечном полдне, забывшем про век электроники,
где живёшь и живёшь в остановленном времени,
в ярко пойманном кадре своей кинохроники.

Неразделённое

Ты, если даже входил в аллею, то чтобы учуять её следы.
Она же была равнодушной и злее, чем воин монголо-татарской орды.
Ты имя её прогонял по венам, ты сам себе говорил: «Терпи!»,
она же ровняла своим туменом покорный абрис чужой степи.
Бесстрастно сидя в глубинах тента, она вращала в военный быт,
легко находя замену тем, кто в бою был ранен или убит.
И взгляд её был прицельно сужен, и лести плыл аромат кругом...
А ты совершенно ей не был нужен:
ни злейшим другом, ни лучшим врагом.
Ты слеплен был из иного теста. Как о богине, мечтал о ней...
Но был для неё ты – пустое место. Пыль на пополах её коней.
Ты зря сражался с тоской и мраком у сумасшествия на краю
и под её зодиачным знаком провёл недолгую жизнь свою.
А та причудлива и искриста – будь царь ты или простолюдин...
Сюда бы бойкого беллетриста, он два б сюжета связал в один:
на то сочинителей лживая братия, чьи словеса нас пьянят, как вино...
Но Ты и Она – это два понятия, не совместившиеся в одно.
Ходи в отчаянье, словно в рубище, живые дыры в душе латай.
Поскольку любящий и нелюбящий произрастают из разных стай;
ну, а надежда – какого лешего? Покрепче горлышко ей сдави —
и не придется её подмешивать
в бокал нелепой
своей любви.

Пока влюблён

Опершись безупречной ножкой о парапет,
она говорила: «Ну, зачем тебе знать о том,
кто со мной до тебя? Ну, Володя, ну, пара Петь,
был и Саша, твой тёзка, и залётный старлей Артём.
Я ведь, в общем, собой недурна вполне
и присяги не приносила монастырю.
Ты спросил – и я лишь поэтому говорю.
Но ведь это на дне. Это прошлое – всё на дне».

Всем известно: в излишнем знании есть печаль,
ибо ежели меньше знаешь, то лучше спишь...
Но тогда я ушёл. Дома пил, обжигаясь, чай
и глядел, ничего не видя, в ночную тишь,
где с трудом шевелил листвою античный клён,
где дождевики окошко метили, как слюда...
Если ты идиот – то это не навсегда,
а всего лишь на дни или годы, пока влюблён.

Только ты

Только ты, только ты. Ибо если не ты, то кто?
Поэтесса с горящим взором из врат ЛИТО?
Дрессировщица из приبلудного шапито,
вылезающая порой из тигриной пасти?
Мне б сказали одни, попивая шампань: «God bless!»,
и сказали б другие: «Куда же ты, паря, влез?!»
Наше счастье, по правде сказать, это тёмный лес,
и гадать на него успешно – не в нашей власти.

Только ты, только ты. Если я не с тобой, то где?
Менестрелем, шестым лесничим в Улан-Удэ
с хлебной крошкой в спутанной бороде,
налегающим на алкоголь грошовый?
Или вдруг, авантюрный сорвавший куш,
я б петлял, как напуганный кем-то уж,
уходя от вечного гнёта фискальных служб
в оффшоры?

Всё могло быть иначе. Грядущее – не мастиф,
уносящий в зубах ошмётки альтернатив.
И куда-то б, наверное, нёсся локомотив,
и какие-то б, видимо, длились речи...
Только ты, только ты. Ибо если не ты, то кот,
никогда не пустующий невод земных невзгод,
ну, и ангел. Гладкий ликом, как Карел Готт,
и всегда отворачивающийся
при встрече.

Save

Мы с двух сторон над той же пропастью во лжи,
и нас друг к другу не приблизишь, хоть умри.
Я сохраню тебя в формате джей пи джи,
я сохраню тебя в формате эм пи три.
Мир полон счастья. Птиц взволнованный галдёж —
как дробь горошин в гладь оконного стекла...
Здесь в виде рифмы так и просится «Не ждёшь»,
что будет правдой. Рифма здесь не солгала.
Судьба бестрепетно вращает жернова.
Когда ж становится совсем невмоготу,
то пустота преобразуется в слова,
а те, взлетая, вновь уходят в пустоту.
В ладони – вишни, а в стакане – «Каберне»,
заходит солнце за разнеженный лесок...
А мысль о том, что ты не помнишь обо мне,
голодной крысою вгрызается в висок.
Кому пенять, что не совпали два пути,
что рухнул дом, как будто сделанный из карт...

Я сохраню тебя в формате эйч ар ти,
что, как известно, сокращённое от «heart».

Приходи на меня посмотреть

Неизвестно, какого числа,
кем бы ты в этот век ни была,
и в какой ни вошла бы анклав ты —
приходи на меня посмотреть,
я стал старше и тише на треть,
и меня не берут в космонавты.

Приходи, беззаботно смеясь,
чтоб исчезла причинная связь
между странным вчера и сегодня.
Не спеша на покой и на спад,
улыбнётся тебе невпопад
наше прошлое, старая сводня.

Пусть былое не сбудется впредь —
приходи на меня посмотреть,
да и я на тебя – насмотрюсь ли?
Вдруг исчезнут года и молва,
и смешаются грусть и слова,
как речные течения в русле.

Мы, пропав, снова выйдем на свет.
Мы не функции времени, нет,
мы надежды хрустальная нота.
Неизвестно, какого числа
нас с тобой отразят зеркала
и в себе нас оставят.
Как фото.

Не расставайтесь

Любви земной скрепляя нити (увы, любая нить тонка!),
своих любимых окружите дверями о семи замках.
Пусть ваш союз в любую стужу растопит льды, развеет тьму,
но нос высовывать наружу любимой вашей ни к чему.

Не подносите ей на блюде тревоги собственной души:
ведь там, снаружи, ходят люди. Они порою хороши.
Чужих не подпускайте к дому! Глядите в оба круглый год!
А то любимая к другому с улыбкой радостной уйдёт.

Чужак – он дьявол. Мефистофель. Он гадость сотворить не прочь.
Пусть только ваш чеканный профиль любимой светит день
и ночь...
Мир окружающий – как Голем. Он только усложняет суть.
Ведь всё должно быть под контролем. Но вашим, а не чьим-
нибудь!

Смелее! Действуйте нахрапом. Что вам людской досужий суд?!
Пусть вас назовут сатрапом. Пусть полицаем назовут.
Либерализмом зря не майтесь, не ставьте счастья на кон...
С любимыми не расставайтесь. Ведь с глаз долой – из сердца вон.

Нужно

А нужно-то всего? Пускай в телеокне
парадный генерал в глаза не смотрит мне
и мне не говорит, что делать должен я,
чтоб в лапы не попасть вранья и воронья.

А нужно-то всего? Спокойный взгляд вперёд,
где нерождённый внук глаза сонливо трёт,
в края, где мы себя навек себе вернём,
в края, где тихий пруд и лебеди на нём.

А нужно-то всего? Шумливый хор друзей,
прохладный Пантеон, могучий Колизей,
и чтоб не злили глаз различием кровей
ни Рамбла, ни Арбат, ни Гиндза, ни Бродвей.

Не веря «калашу», а лишь карандашу,
чужого не хочу, о многом не прошу.
Ведь нужно-то всего? – прохлада и прибой
на странном берегу, где вместе мы с тобой.

Лицом к лицу

Пред тем, как разлететься на куски,
на боль в висках, на неблагое вести,
мы стали так отчаянно близки,
как два металла, спаянные вместе.
Окрестный мир ютился по углам,
став пустотой, неразговорной темой
нам – близнецам, прославившим Сиам
единой кровеносной системой.
Мы отрицали приближение тьмы
и восславляли гордое светило...
Но как-то поутру проснулись мы —
и в лёгких кислорода не хватило.
Ни я к высокогорью не привык,
ни ты. Нас ослепили солнца блики.
О, да, «Ура!» – взобравшимся на пик.
«Гип-гип-ура!» – оставшимся на пике.
Мы – не смогли экзамен этот сдать,
сползли с небес в земную полудрёму...
«Лицом к лицу лица не увидеть» —
как говорил один слепец другому.

Шансы

Когда-то, когда засыпали все, в отместку любым предсказаниям Глоб в мой дом приходила Мишель Мерсье, ладошку мне клала на жаркий лоб... И всё было нежно и комильфо, и тихая ночь превращалась в миг. Я был для неё Франсуа Трюффо, была для меня она Книгой Книг. За окнами – ночи чернел плакат, скрывая на время окрестный смог... О, как же несметно я был богат – сам Баффет мне б чистить ботинки мог. И гнал я печали свои взащей – в края, где въездных не попросят виз. И что-то шептала в ночи Мишель, и сердце летело куда-то вниз. И был я бессмертен. И был я пьян. И был я превыше всех горных круч. Пока Анжелику, Маркизу Ан... не крал беспощадный рассветный луч.

А ты в это время другую роль играла. И страсти крепчал накал. К тебе, говорят, приходил Жан-Поль – заслуженно неотразимый галл. Курился дремотный сигарный дым, и к праздничным звёздам вела стезя... И помню я слухи, что пред таким, по сути, совсем устоять нельзя. Тартинки. Сашими. Бокал бордо. Горячий воздух. Уютный кров... Да даже фамилия – Бельмондо! Не то что Васильев или Петров. И разум бедовый сходил во тьму и тлел у бокала на самом дне... А впрочем, подробности – ни к чему, и коль откровенно – то не по мне.

Копашь землю, ища свой клад, надежды свои возводя в кубы... Не знаешь ты, смертный, каков расклад у карт на картёжном столе судьбы. На дереве жизни всё гуще мох, песок высыпается из горсти... А счастье растёт, как чертополох – да там, где, казалось, нельзя расти. Расклады и шансы горят в огне – их все побивает лихой авось. Мы вместе. Хоть явно могли б и не. Мы рядом. И это честней, чем врозь. Виденья стряхнув, как лапшу с ушей, продолжим вдвоём этот странный путь...

И курят в сторонке Жан-Поль с Мишель.
Они постарели. А мы – ничуть.

Не сезон

Слёзы от ветра шалого вытри
в сумрачной мороси дней...
Как ни смешай ты краски в палитре —
серое снова сильней.
Серые зданья, сжатые губы,
мокрого снега напев...
День безнадёжно катит на убыль,
еле родиться успев.
Туч невысоких мёрзлые гривы —
словно бактерии тьмы.
Осень на грани нервного срыва.
Осень на грани зимы.
И чёрно-белым кажется фото,
лужи вдыхают озон...
Эх, полюбил бы кто-то кого-то...
Но – не сезон.
Не сезон.

Зимний разлад

Мы словно бузотёры в старших классах:
кривились рты в презрительных гримасах,
хоть что делить – никто не ведал сам.
Два мнения, два вопиющих гласа
чадили, словно жжёная пластмасса,
взлетая к равнодушным небесам.

Была зима. Казался воздух ломким,
а каждый шёпот – безобразно громким,
как грубый скрип несмазанной арбы.
Не видимый банальной фотосъёмке,
нам в спины бил змеиный хвост позёмки,
вздываясь, словно кобра, на дыбы.

Блуждая между трёх дремучих сосен,
мы спорили. И каждый был несносен,
стреляя всякий раз до счёта «три»...
Был хор фальшив, хоть не многоголосен,
и было в целом свете минус восемь,
не больше. И снаружи, и внутри.

Всё было так нескладно и нелепо...
Любовь крошилась, как кусочки хлеба,
а ветер острой крошкой лица сёк...
И, раненые влёт шрапнелью снега,
мы мяли в омертвевших пальцах небо,
как школьник – пластилиновый брусок.

В границах заколдованного круга,
где не было ни севера, ни юга,
звенело: «Я так больше не могу...»
И наши тени, вскормленные вьюгой,
всё дальше расходились друг от друга
на жёстком хирургическом снегу.

Он, она и Паоло

Он любил её (не пытаясь составить пару
и стесняясь своей неловкости, комплексов и очков)
в тот утренний час, когда цокали по тротуару
мушкетёрские острые шпажки её каблучков.
Он думал о ней (по ночам, по утрам, в сиесту;
сам себе говорил: «Пропадаю. Ведь так нельзя ж!»).
Хоть и жил совершенно рядышком, по соседству,
но, встречая её, исчезал и вращался в пейзаж.
Ей впору б спешить на пробы к Феллини и Копполе —
омут гибельных глаз и татарская резкость скул,
лёгкость быстрого шага, балетная стройность тополя...
Только он – умирал и не мог подойти. Олд скул.
А она, а она тускло в офисной стыла рутине,
каждый день был расписан. На всё был размеренный план;
а в квартирке на стеночке – фото Паоло Мальдини,
гениальнейшего защитника клуба «Милан».
За зимою зима, время мчалось, выросли школьники,
Михаэль Шумахер царил на этапах «Гран-При»...
Как странно бывает: в любовном простом треугольнике
стороны треугольника невидимы изнутри.
Мегаполис печально богат разобщённостью жителей
и трагически скучной похожестью каждого дня...
Своему я герою кричу и кричу:
«Будь решительней!» —
только он ведь не слышит. Давно как не слышит меня.

Кроссворд

Я с ней не был знаком, даже имени я не знал.
Чуть припухшие губы, лёгкие босоножки...
Был в руках у неё на кроссворде раскрыт журнал
с молодой ещё Андрейченко на обложке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.